

КРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ЯЗЫКЕ И В РЕЧИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Е. Дизер

Университет Юлиуса-Максимилиана (г. Вюрцбург)

- Ян Артур (наблюдает за тем, как старший брат заряжает мобильный телефон):
Алекс:
Ян Артур:
- Алекс, ты кормишь телефон на ночь?
Да.
Чтобы он не пошел голодным спать? Может, ты ему еще зубы почистишь? (4;10.21)
- Mutter:
Alex:
- Hat's dir im Kindergarten heute gut gefallen?
Ein bisschen, aber nur ein, zwei bisschen nicht. (2;10.7)

Одну из главных задач при воспитании ребенка родители и учителя во многих странах мира видят в том, чтобы помочь ему стать творческой личностью. Но как научиться творчеству? Возможно ли это для каждого или только для избранных? Однозначных ответов на эти вопросы нет. В одной культуре творчество как качественный скачок в развитии личности возможно только в результате кропотливой работы нетворческого характера. De nihilo nihil. Т.е. творчество является даром за усердие. В других культурах, напротив, считается, что творить может только раскрепощенная личность. Творческое начало имеется у каждого, главное не подавлять его. Но творчество творчеству рознь. В своем первоначальном значении, как качество, которым обладает только творец, оно ассоциировалось с «создателем»: «Deus creator». В эпоху просвещения начало употребляться и по отношению к человеку, но практически до XX века только по отношению к великим людям, прежде всего деятелям искусства, создавшим новые культурные или материальные ценности – «homo creator» [Imhasly 1974: 3]. Впоследствии значение данного слова расширилось. Творческое начало стало восприниматься как неотъемлемое свойство *Homo sapiens*. Однако в данном случае речь идет не о создании новых

гениальных творений, на которые способны только гении (так называемые big C), а о повседневном творчестве (small C). Оба смысла данного понятия объединяет представление о творчестве как способности создавать качественно новые духовные или материальные ценности.

В данной статье речь пойдет о «малом» творчестве, называемом в русском языке в последние десятилетия также креативностью, в области естественного языка. При этом особое внимание будет уделено развитию речи у детей-билингвов.

Применительно к языку понятие креативности используется в разных значениях. Первое значение – это восприятие создания и использования языка как постоянного движения, постоянного производства нового. Отличие живого языка от мертвого заключается в том, что первый непрерывно развивается. И в это развитие вносит свой вклад каждый пользователь языка при производстве и восприятии речи. Это положение восходит к основоположнику теоретического языкознания В. фон Гумбольдту: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. **Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energiea)**» [Гумбольдт 2000: 45].

Однако В.В. Фещенко [2012: 11] исходит из того, что данное понимание языка как энергии было навеяно работами французских философов, в частности Д. Дидро [Aarsleff 2002: 202, цит. по Фещенко [2012]] и первоначально связано с эстетическим контекстом, а лишь позже получило более общее абстрактное значение. Наиболее выдающимся последователем Гумбольдта в восприятии языка или речевого акта как творческого процесса является основатель генеративной грамматики Ноам Хомский. „Most of our linguistic experience, both as speakers and hearers, is with new sentences; once we have mastered a language, the class of sentences with which we can operate fluently and without difficulty or hesitation is so vast that for all practical purposes (and, obviously, for all theoretical purposes), we may regard it as infinite. Normal mastery of a language involves not only the ability to understand immediately an indefinite number of entirely new sentences, but also the ability to identify de-

viant sentences and, on occasion, to impose an interpretation of them. [...] In fact, the realization that this „creative“ aspect of language is its essential characteristic can be traced back at least to the seventeenth century. [...] it is clear that a theory of language that neglects this ‚creative‘ aspect is of only marginal interest” [Chomsky 1964: 7–8].

Креативность при использовании языка состоит таким образом, прежде всего в способности людей создавать из конечного числа языковых единиц бесконечное число предложений, ранее никогда не произнесенных, а также в способности понимать, практически молниеносно, предложения, ранее не слышанные. Данный креативный аспект при использовании языка проявляется на бес- или подсознательном уровне и поэтому на первый взгляд скрыт. Более осознанным для пользователя языка является креативный аспект, наблюдаемый в словообразовании, а также в переносе значения слова по принципу метафоры или метонимии. Образовывая новые слова или придумывая новые значения слов, говорящий активно и отчасти сознательно преобразует язык. Но креативной является здесь также и деятельность слушающего, его способность понимать новые значения слов и новые словообразовательные модели.

Еще более осознанно проявляется креативность на уровне языковой игры. В данном случае говорящий сознательно нарушает языковую норму с определенной целью, чаще всего для создания комического / шуточного эффекта (ср. [Норман 2006, Норман 2020]).

Во многих исследованиях, посвященных творческим процессам в языке, говорится о том, что главным творческим актом было его создание. Именно создание языка открыло креативный потенциал человека. И хотя мы, наверное, никогда не узнаем, как это происходило, мы можем слегка приподнять завесу времени и частично проникнуть в таинство творения языка, наблюдая за тем, как ребенок осваивает свой первый язык. Конечно, освоение языка происходит не как «creatio ex nihilo», но все же ребенок осваивает язык, не просто перенимая готовую языковую систему, а активно конструируя ее [Цейтлин 2005: 347].

В дальнейшем мы рассмотрим проявление креативности при освоении языка на примерах из речи двух двуязычных русско-

немецкоговорящих детей. В частности, речь пойдет о процессе разделения обоих языков. В начальный период освоения языка у всех детей-билингвов можно наблюдать факты смешения двух языков. Особенно интересно проанализировать их у детей, чьи родители избегают в своей речи подобных явлений. В данном случае мы можем исходить из того, что наблюдаемые формы не переняты из речи родителей, а сконструированы самим ребёнком. У обоих детей, о которых пойдет речь, до трехлетнего возраста встречалось довольно часто смешение языковых кодов, впоследствии его место заняла грамматическая и семантическая интерференция.

В период однословных высказываний смешение кодов проявляется внутрисловно, например, при комбинировании русских глагольных основ с немецким инфинитивным окончанием, *plak-en* [Алекс 2;5.6] от *плак-* (‘плакать’) и *-en* (немецкое инфинитивное окончание), а также комбинировании немецких глагольных основ с русским инфинитивным окончанием, например, *laufen-ть*, *essen-ть* [Алекс 2;8.27] [Dieser 2006: 149] и комбинировании немецких существительных с русскими падежными окончаниями (пример 1).
Пример 1 (возраст ребёнка 2;2.3)

Мать: *Как ты ездил к бабе с дедом?*

Ян Артур: *Zug-e*. (‘поезд’) + русское окончание “e”

Следующим проявлением смешения кодов является использование ребенком в диалоге другого языка, нежели у его партнера (примеры 2 и 3).

Пример 2 (возраст ребёнка 2;3.24)

Бабушка: *Скажи дым.*

Алекс: *Heiß.* (‘горячо’)

Бабушка: *Скажи голова.*

Алекс: *Kopf.* (‘голова’)

Бабушка: *Скажи машина.*

Алекс: *Auto.* (‘машина’)

Пример 3 (возраст ребёнка 1;7.21)

Мать: *Скажи машина.*

Ян Артур: *Auto.* (‘машина’)

Мать: *Скажи горячо.*

Ян Артур: *Heiß.* (‘горячо’)

Мать: *Скажи собака.*

Ян Артур: *Vau-vau.*

Мать: *скажи ослик.*

Ян Артур: *И-а.*

Мать: *Скажи Hund.* ('собака')

Ян Артур: *Vau-vau.*

То, что на первый взгляд выглядит как перевод, является креативным способом ребенка восполнить индивидуальные пробелы в активном словарном запасе одного языка, используя эквиваленты из другого языка, которые уже были усвоены ранее, или ономато-поэтические слова.

Подобный «перевод» из пассивного словарного запаса в активный наблюдается и в период двух- и трехсловных высказываний, даже когда к ребенку напрямую не обращаются (пример 4).

Пример 4 (возраст ребёнка 2;7.5)

Бабушка: *Папа на этом собаку съел.*

Алекс (удивленно): *Деда vau-vau ням-ням?*

С началом использования многословных высказываний к внутрисловному смешению кодов добавляется смешение кодов внутри предложения (примеры 5-7).

Пример 5 (возраст ребёнка 2;7.19)

Алекс: *Auch* ('тоже') *книжка.*

Мать: *Давай эту посмотрим.*

Мать: *Вот это что?*

Алекс: *Ein* (немецкий неопределённый артикль) *торт.*

Мать: *Торт, а это кто такой?*

Алекс: *Ein* (немецкий неопределённый артикль) *ёжик.*

Мать: *А это кто?*

Алекс: *Ein* (немецкий неопределённый артикль) *зайчик.*

Пример 6 (возраст ребёнка 2;2.3)

Ян Артур: *Это наш Zug?* ('поезд')

Ян Артур: *Это наш Zug* ('поезд') *нет?*

Пример 7 (возраст ребёнка 2;2.1)

Мать: *Ты играешь?*

Ян Артур: *Да, легой.* ('конструктор лего') + русское окончание "ой"

Ян Артур: *Там sitzen* ('сидеть') *nane.*

В примере 6 виден факт, который символизирует переход к следующей фазе влияния одного языка на другой. Чем чаще дети употребляют многословные высказывания, тем больше случаи грамматической и семантической интерференции вытесняют «материальные» заимствования (примеры 8-10).

Пример 8 (возраст ребёнка 3;10.13)

Алекс: *Мама, вот этот бассейн я еще никогда видел.* (отсутствии двойного отрицания под влиянием немецкого языка)

Пример 9 (возраст ребёнка 4;2.6)

Ян Артур: *Я нюхаю пиццу.* (выбор лексико-грамматической конструкции под влиянием немецкой: ‚Ich rieche Pizza.‘)

Пример 10 (возраст ребёнка 5;1.14)

Алекс: *Ой, мне нюхается сосиской.* (выбор лексико-грамматической конструкции под влиянием немецкой: ‚Oh, ich rieche Würstchen.‘)

В возрасте 5 лет Алекс по-прежнему образует формы ед. ч. у слов *pluralia tantum*, например: *санка, ножница*.

В заключение рассмотрим несколько примеров из области словообразования или переноса значения.

Ян Артур называет в 2;2 всех людей, которых он любит, словом *брат*: мама – брат, папа – брат, Алекс (брат) – брат. Старшему брату это не понравилось, и он сказал, что брат – только он. Примерно через две недели Ян Артур перестал называть всех словом *брат* и однажды сказал: «*Алекс брат, мама нет брат*» – и погладил мать по голове.

Шутка отца Яну Артуру не понравилась, и он сказал: «*Мама, закрой папу!*» (2;5.12).

На вопрос матери, понравилось ли ему в детском саду, Алекс в возрасте 2;10.7 отвечает: «*Ein bisschen, aber nur ein, zwei bisschen nicht*» (см. эпиграф), что означает: один кусочек, но только один, не два кусочка. Немецкий эквивалент русскому наречию *немного* дословно означает «один кусочек».

Данный пример склоняет к предположению, что то, что на первый взгляд кажется осознанной языковой игрой, в речи ребенка может оказаться свидетельством буквального понимания метафоры.

Но подлинная языковая игра и «философские» высказывания в речи ребенка также не являются редкостью (примеры 11, 12, см. также эпиграф).

Пример 11 (возраст ребёнка 2;6.20)

Мать: *Ты хороший мальчик?*

Ян Артур: *Я бываю хороший, а бываю злой немножко.*

Пример 12 (возраст ребёнка 4;1.27)

Алекс: *Мама, почему когда ты читаешь, называется «работать»?*

Литература

Цейтлин С.Н. Категория рода в детской речи // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Санкт-Петербург, 2005. С. 346-376.

Фещенко В. В. Язык как творчество и творчество в языке // Критика и семиотика. 2012. № 17. С. 6-43.

Гумбольдт Вильгельм. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.

Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. Москва: Флинта-Наука, 2006.

Норман Б. Ю. Творческий потенциал носителя языка и словесная игра // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. № 6. Том 79. С. 21–33.

Chomsky, N. *Current Issues in Linguistic Theory*. The Hague: Mouton, 1964.

Dieser, E. Early language separation. A longitudinal study of a Russian-German bilingual child. In: Featherston, S., Sternefeld, W. (eds.). *Roots. Linguistics in Search of its Evidential Base*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter 2007, S. 133-160.

Imhasly, B. *Der Begriff der sprachlichen Kreativität in der neueren Linguistik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 1974.